

УДК 398.2
ББК 82.3

СЮЖЕТНЫЙ ТИП 510В «СВИНОЙ ЧЕХОЛ» В СКАЗОЧНОЙ ТРАДИЦИИ КАРЕЛИИ

АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА ЛЫЗЛОВА

(Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН:
Российская Федерация, 185910, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11)

Аннотация. В статье анализируются сказки из фольклорного фонда Научного архива КарНЦ РАН, относящиеся к сюжетному типу «Свиной чехол», обозначенному в СУС под номером 510В. В них представлена ситуация, в которой отец после смерти жены изъявляет желание жениться на дочери, в результате чего она вынуждена сбежать из дома. Тексты фиксировались сотрудниками созданного в Петрозаводске в 1930 г. Карельского научно-исследовательского института (КНИИ), переименованного в 1937 г. в Карельский научно-исследовательский институт культуры (КНИИК), в настоящее время Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН (ИЯЛИ КарНЦ РАН) на протяжении XX в., в районах проживания русского населения (в Карельском Поморье, Заонежье и Пудожье), а также от карелов и вепсов. Лежащая в основе всех фольклорно-сказочных произведений коллизия разрешается в вариантах по-разному, в связи с чем возможно говорить о существовании нескольких версий: «Звериная шкура» (т.е. «Свиной чехол»), «Погоня за дочерью», «Немая жена», «Фонарь». При этом большее разнообразие характерно для сказок, представленных в карельской фольклорной традиции. В текстах, относящихся к версии о звериной шкуре, записанных на территории Карелии от русского населения, сохраняются детали, присущие свадебному обряду. Упоминание свиного чехла (точнее, других зооморфных/орнитоморфных шкур) встречается достаточно редко. Почти всегда занятие главной героиней сказки черной работой по дому закрепляется в ее обозначениях, что сближает ее с Золушкой.

Ключевые слова: сюжетный тип, свиной чехол, Научный архив КарНЦ РАН, версия, Карелия.

Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания КарНЦ РАН «Фольклорные традиции и рукописная книжность Европейского Севера: источниковедение, текстология, поэтика, этнографический контекст», номер госрегистрации АААА-А18-118030190094-6.

Дата поступления статьи: 20 октября 2018 г.

Дата публикации: 25 марта 2019 г.

Для цитирования: Лызлова А. С. Сюжетный тип 510В «Свиной чехол» в сказочной традиции Карелии // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 1. С. 31–42.

DOI: 10.26158/ТК.2019.20.1.003

Сравнительный указатель сюжетных типов восточнославянских сказок (СУС) вышел в свет в 1979 г. и учитывал материалы, опубликованные в фольклор-

ных сборниках и периодических изданиях конца XVIII — 70-х годов XX столетия. Тексты, хранящиеся в различных архивах или напечатанные уже после появления

СУС, по объективным причинам остались за пределами внимания исследователей. В фольклорном фонде Научного архива Карельского научного центра Российской академии наук (НА КарНЦ РАН) содержатся обширные материалы, среди которых представлены сказки, относящиеся к сюжетному типу 510В «Свиной чехол».

В общих чертах краткое его содержание сводится к следующему: «Отец угрожает дочери насильственным супружеством. Дочь плачет на могиле матери, и та советует заставить отца приобрести необходимые вещи: платье цвета звезд, месяца, солнца или зари и свиной кожушок. Героиня, нарядившись в свиной чехол, исчезает из дома <...>. Ее, “чудо чудное, диво дивное”, обнаруживают, и царевич берет ее к себе в служанки. Героиня тайно переодевается и появляется на царском пире (или в церкви) в чудесных нарядах. Тайна раскрывается. Свадьба» [ВНС 1996, 194].

Первая запись сказки, относящейся к сюжетному типу 510В, обнаруженная в НА КарНЦ РАН, датируется 1937 г.; ее сообщил сотрудникам КНИИК 69-летний сапожник Ф.И. Стафеев в д. Есино (Шуньга), Заонежье. В ней отец после смерти жены предлагает дочери стать его женой, но та отказывается, ставя ему различные условия: «Отечь жил да был с етой дочерью и говорит: “Складайся со мной жить”. “Я, папа, не складжусь с тобой жить. Купи мне всё приданое, потом я складжусь с тобой жить”. И отец всего ей закупил приданого, очень много хорошего всего. “Ну, купи мне шкатулку”. Ну вот, отец ей шкатулку купил. “Потом, — говорит, — я складжусь с тобой жить”» [Стафеев 1937, 197]. Отец продолжает настаивать на своем: «Ну, — говорит, — нын тебе всё справлено, складайся со мной жить», но дочь оттягивает момент, заявляя, что ей необходимо сходить в баню: «“Нет, — говорит, — я вытоплю ба́йну”. Ну вот, она вытопила ба́йну и пошла. В ба́йне там моется да парится» [Там же]. Как отмечает И. А. Разумова, мотив бани является устойчивым в сказках рассматриваемого

сюжетного типа: «эта “свадебная” баня оказывается спасительной для героини» [Разумова 1992, 97]. Вот и в варианте Ф.И. Стафеева девушка решает обхитрить отца и сбежать: «Она намылась, напарилась. Всё свое доброе убрано в шкатулку в эту. Под пол сделала нору и укатила. А слюнку в норку бросила» [Стафеев 1937, 197]. Трижды отец спрашивает, скоро ли она освободится, и трижды вместо девушки отвечает слюнка. В этом случае «магическая сила слюнок основана на <...> идее», согласно которой «часть обладает качествами целого» [Добровольская 2009, 93]. Получая ложную информацию, отец оказывается обманутым: «он ба́йну открыл, а уже в ба́йне никого нет, нора под пол» [Стафеев 1937, 197].

Дочь тем временем попадает в другое царство и становится служанкой: «И прикатилась она к царству, и нанялась к царю в пепельницы¹, пепелу сеять» [Там же]. Здесь она старается угодить царевичу, который хочет умыться: «“Няньки, линитека в рукомойник воды”. Няньки не успели воду линуть, а она уж линула. И он взял да ее ковшиком в голову хлопнул. “Тебя, — говорит, — куда не зовут, дак не суйся”» [Там же, 198]. Царевич отправляется к обедне, девушка следует туда же, но прежде приводит себя в порядок, используя вещи из приданого, о которых ранее не было речи: «Она взяла открыла свою шкатулку, одела платье со звёздами да со луной, перстни наклала, ниточек навязала, серёжки в уши клала и пошла к обедне» [Там же]. На нее сразу же обращает внимание царевич и после службы подходит познакомиться: «“Барышня, с какого города?” — “А с такого города, что ковшиком в голову”» [Там же]. Далее ситуация еще дважды развивается подобным образом: сначала царевич перед поездкой к обедне просит нянек подать ему мыло, а «эта барышня мыло подала, а ён ей и в голову копнул²» [Там же], в следующий раз он требует сапоги и затем ударяет девушку сапогом в голову. Она снова наряжается и отправляется за ним: «Шкатулку открыла, прекрасное платье одела

¹ Сказка называется «Пепельница». Ср.: в 1926 г. И. В. Карнаухова зафиксирована сказка «Настасья-Пепельница» в заонежской д. Дерезузово от 16-летней К. В. Кирилловой [Карнаухова 2006, 58–60, № 15]; по словам М. Н. Власовой, «...на всем Севере эта сказка имеет твердо прикреплённое название “Пепельницы” (от пепел)» [Там же, 396].

² Ударил.

шелковое, ниточек навязала, перстней наклала, серёг навдевала и пошла опять к обедне» [Там же], «она туфельцеки обула, платье со соньцем одела, ниточек навязала, перстни наклала — и пошла к обедне» [Там же, 199].

Царевич обращает внимание на красавицу и изъявляет желание познакомиться, пытаясь выяснить, откуда она взялась: «Барышня, с какого города?», на что девушка отвечает: «А с такого городу, что мыло в голову» [Там же], «А с такого городу, что сапог в голову» [Там же]. И всё же она остается неузнанной, поэтому при последней встрече царевич идет на хитрость: «Ён взял и в церкви порог смолой намазал. Она пошла, на порог ступила да туфелек и оставила. А ён подсматривал и тот туфель взял, в бумажку завернул да и поехал домой» [Там же]. Затем начинаются поиски той, кому принадлежит обувь; сама ситуация напоминает сюжетный тип 510А «Золушка»: «И потом ездил, ездил, всё объездил, а туфель всё не подходит: кому мал, кому велик — не подходит на ногу», после этого царевич возвращается домой, чтобы не упустить ни одну девушку: «И потом в своей избы всем примерял — никому не подходит туфель, а потом и етой пепельницы. Примерил етой пепельницы, и будто тут и был ён, как ее-то был» [Там же]. Далее следует свадьба: «Ну вот, тут он на ней и женился» [Там же]. На этом сказка заканчивается.

Двумя годами позднее, в 1939 г., на удаленных друг от друга территориях были зафиксированы еще два текста, относящиеся к интересующему сюжетному типу: один из них рассказала заонежанка Е. А. Васильева, 1873 г. р., а запись второго произведена в д. Семеново Пудожского района Карелии от 60-летней И. П. Савинковой.

В заонежской сказке «Про князя Микиту, про дочь Улиту» отец, овдовев, отправляется на поиски невесты, ориентиром ему служит кольцо, оставленное женой Анисьей: «Поехал Микита искать жену. Деревни, губерни, волости, области все объездил и по кольцу себе не выбрал невесту, где мало, а где велико» [Васильева 1939, 201]. Кольцо оказывается в пору лишь его дочери Улите, которая затем несколько раз идет на могилу матери за советом. Анисья четыре ночи подряд выходит из-под земли и подсказывает: «вели ему купить платье

ни велико, ни мало без примерки, в самый раз, голубого цвета, такого здесь нету» [Там же, 201 (об.) — 202]; «вели шить другое платье к зăвтрему, такого белого цвету, что нигде его нету, и без примерки было бы в самый раз» [Там же, 203]; «вели ему шить шубку с разных зверяток, в отверстие только видно одне глаза, и было бы во что тебе дышать» [Там же, 204]; «теперь вели купить ему говорящих двух куколок» [Там же, 205].

Отец выполняет все задания, и Улита, под предлогом подготовки к свадьбе, закрывается в своей комнате; на неоднократные вопросы Микиты («уже ли ты готова?») отвечают сидящие в разных углах куколки. Как отмечает В. Е. Добровольская, в сказки, «скорее всего, куколка попала из магической практики, где выступала в роли заместителя человека в целом ряде обрядов. Образы слюнок и куколок возникли под влиянием извне (реальная магия предусматривала наведение порчи при помощи слюны человека или действий с куклой), но волшебное качество этих реалий (способность говорить), безусловно, является элементом сказочной поэтики» [Добровольская 2009, 93]. При этом говорящая слюна — «более архаическая деталь» [Разумова 1992, 97].

Не без помощи чудесных куколок Улита в сказке Е. А. Васильевой совершенно случайно спасается: «земля раскрылась, и дочь туда провалилась», «дочь в эту ночь очутилась в тридесятном царстве» [Васильева 1939, 206]. Первое время она прячется в царском саду, где и происходит знакомство с царевичем: «Заметил царский сын, что какой-то зверь находится в яблоне. Было он взял и хотел выстрелить в дерево. Вдруг она заговорила: “Не стреляй, я есть человек, не зверь”» [Там же, 206 (об.)]. Девушка просит дать ей какую-либо работу: «Или, может, не дадите мне какого-нибудь места мыть у вас посуду и быть грязной судомойкой?» [Там же]. Царевич соглашается и приводит ее к царю на кухню, говоря с пренебрежением: «будет эта обслуживать, мыть посуду, грязная чумийка» [Там же]. «А она себе нашла кровать, у кур в курятнике поместилась и стала там жить. Когда наскóпится посуда, выйдет вымоет и опять уйдет она в курятник» [Там же, 206 (об.) — 207].

Далее события развиваются примерно так же, как в проанализированной выше

сказке: царевич дважды отправляется на воскресную службу в церковь и сначала просит начистить ему сапоги, потом подать гребень, чтобы причесаться; в этом ему помогает девушка. Затем она появляется в церкви, предварительно надев платя. Царевич сразу же обращает на нее внимание и в первый раз отправляет своего вельможу, а во второй раз сам подходит выяснять, «какого она роду и с какого она царства» [Васильева 1939, 207 (об.)]. Улита отвечает завуалировано: «Я роду не помню, а деревни я Сапожковой³» [Там же], «Я не помню своего роду-племени, а с деревни я Гребешковой» [Там же, 208 (об.)]. Узнав названия, царевич не понимает скрытого смысла и безуспешно пытается найти поселения: «Поехал царский сын искать ту деревню <...>. И не нашел нигде. Объездил все он волости, губернии, уезды, деревни, вернулся обратно» [Там же, 208 (об.) — 209]. Возвратившись домой, он просит приготовить еду: «А ну-ка, чумичка, не сумеешь ли ты мне чего-нибудь сварить поесть» [Там же, 209]. Она делает селянку⁴ из яиц, предварительно положив туда именное золотое кольцо, которое ей вручил царевич при последнем разговоре в церкви. Когда всё проясняется, он спрашивает девушку: «А почему же ты ходишь в своей шубке, а не одеешь свое платье?», на что она отвечает: «А я запасаю платье под венец» [Там же, 209 (об.)]. Сказка заканчивается свадьбой: «Тут оне с им повенчались и свадьбу проводили, а я там была и мед-пиво пила, а в рот не попало» [Там же].

В пудожской сказке, сообщенной в 1939 г. И. П. Савинковой, желание отца жениться на дочери не мотивируется какими-либо дополнительными обстоятельствами: «Мать заболела и померла. Пришла к ней смерёточка с чиста поля холодная, с тёмна леса голодная. Осталась дочь да отец. Жили-пожили. Отцу надо дочь замуж за себя взять» [Савинкова 1939, 194]. Дочь здесь также несколько раз идет на могилу матери, которая дает советы: «Дорогая доченька, мы станем говорить такие ему наряды, то ему ввек не

справить. Спрашивай с него месяц- и зорю-платье»; «Доченька, закажи ему солнце-платье»; «Ну, дочь, еще закажи привезти вшивый кундюк⁵, куклу говорунью да золоты башмаки» [Там же, 194–195].

Отец выполняет все задания, и дочь вынуждена согласиться, говоря: «Ну что ж, будем байну топить да к свадьбе готовиться» [Савинкова 1939, 195]. При этом она «платьца все в сумочку склала, куклу говорунью с собой в байну взяла, выкопала яму, а куклу говорунью посадила на пол» [Там же]. Отец неоднократно интересуется: «скоро ли байна?», а кукла ему отвечает вместо девушки: «Дай ты мне остáтный раз помыться в девичестве» [Там же, 196]. Тем временем дочь, обхитрив отца, «выкопала яму и ушла в другое царство со своими нарядами» [Там же].

Она нанимается к купцу в прислуги, сеять муку, но заблаговременно надевает на себя вшивый кундюк, в результате чего «ее и прозвали — “вшивый кундюк”» [Там же]. А у купца был сын — «кавалер, такой красивый, что ни в сказке сказать, ни пером описать» [Там же], который трижды отправляется к обедне и просит перед этим налить воды в рукомо́йник, подать полотенце и перстни. Быстрее всех реагирует девушка, но он бьет ее сначала ковшиком, а затем полотенцем по голове. Позднее в церкви сын купца, увидев красавицу, одетую сначала в зорю-платье, затем в солнце-платье, интересуется, из какого она города, и получает ответы: «Из такого города, где бьют ковшом в голову» [Там же, 197], «из такого города, где бьют полотенцем в голову» [Там же, 198], но сын купца не может понять подсказки. В третий раз «одела она месяц-платье, и обула золоты башмачки, и на руки перчатки одела. Опять народ дивуется, и всё вместо икон на ее смотрят, а молодец пуще всех. Взял кавалер на все пороги налил серы от ёлки. Вступила девица на порог и башмачок оставила. Рукой отмахнула — перчатку оставила» [Там же, 199]. Юноша отправляется «по этим штукам себе невесту искать», но поиски его оказываются тщетны: «На всех мерял молодец

³ Собиратель неверно записал «а деревни я со Пашковой».

⁴ Селянка — яичница [СРНГ 2003, 142].

⁵ Кундюк — по-видимому, вид верхней одежды [Пудожье 1982, 361]. Ср.: *кунды-мунды* и *кунды-мунды* — тряпье, лохмотья [СРНГ 1980, 91] и карельское *kunti muntit* — барахло; лохмотья; от-репья [СКЯ 1990, 164].

башмачок — кому большой, кому тесный. Дает он его теткам-лебедкам, дядиным ласкóткам, — никому не подходит, и при-слугам, и всю Рýсу Ладогу объехал молодец, и в Заонежье побывал — никому не подходит» [Там же, 200]. В конце концов, осталась только одна девушка без примерки: «Ён и согласился. Дал башмачок и перчатку. Как обула девица башмачок — так тут и был. Отогнула она кундюк, а на ноге другой башмачок очутился. Молодец оглянулся да остолбенел» [Там же].

Как и в предыдущих случаях, данная сказка завершается свадьбой: «Кундюк зорю-платье надела, золоты башмачки и изъявляется в горницу. Все тут ошалели и не знают, что делать. Ну, тут уж и свадьба пошла. Я там была, мед-вино пила, подголосницей была. Этот вишивый кундюк я на хворостинке сожгла, тут моя сказочка вся» [Там же, 201]. Вариант И. П. Савинковой был опубликован в 1982 г. [Пудожье 1982, 251–254, № 44].

Еще один текст, относящийся к анализируемому сюжетному типу, был зафиксирован почти через 20 лет, в 1957 г., в д. Никитинская (Заонежье) от 72-летней А. Н. Колчиной. Сказка передана несколько схематично, в ней много пропусков (отсутствуют части предложений, важные детали). Это, по всей видимости, обусловлено тем, что собиратель не успевал записывать за исполнительницей.

В тексте сообщается, что после смерти матери «девушка осталась одна с отцом жить», впоследствии при посещении дочерью могилы ситуация проясняется: «Матушка дорогая, меня отец зовет замуж» [Колчина 1957, 61]. Отец в качестве приданого покупает три платья («с мýсяцем», со звездами и с солнышком) и плат⁶ с кораблями, на котором дочь покидает дом, расправив его на воду большого озера Онога, как ее научила мать [Там же, 62–62 (об.)].

Оказавшись за морем, девушка нанимается в работницы: становится поварихой.

Сын хозяев в этой сказке ездит на танцевальные вечера и просит подать ему мыло, затем ковш воды, потом принести сапоги, напрямую обращаясь к ней по имени⁷. Их встречи на вечерах описываются предельно лаконично: «Как он уедет, она живчиком спрáвится. Платье первый день надела с мýсяцем. Она туды приехала на вечер. Всё с ею танцует. “С чьего города?” — “А мылом⁸ в голову”»; «А потом уже он уехал. Она быстро справилась и опять туду. Ну, приехала туду. Чего приехала за царевна? Ю всё танцовать берет. “Чьего города?” — “Ковшом⁹ в голову” [Там же, 63–63 (об.)]. Пытаясь выяснить, что за девушка скрывается в образе прекрасной незнакомки, юноша идет на хитрость: «Оны там уже ступень намазали смолой. Как пошла — тۇфель¹⁰ остался» [Там же, 64]. Потом начинаются поиски «по всем городам, и всё никакой девушке не подходит этот тۇфель» [Там же], хозяйка его обнаруживается в своем же доме. Сказка опять же завершается свадьбой: «Так они с этим сыном поженились и стали жить и до сих пор живут» [Там же, 64 (об.)].

В 1968 г. был зафиксирован еще один вариант, относящийся к исследуемому сюжетному типу, на этот раз в Карельском Поморье. Его сообщила 69-летняя жительница д. Нюхча Беломорского района А. Г. Сотникова. В сказке поиски невесты для старика-отца мотивируются предсмертным наказом жены: «Вот я умру, дак ты женись, кому стۇпень¹¹ полáдится (стۇпень у ей остался), того и взамуж возьми» [Сотникова 1968, 186]. Не найдя того, кому бы подошла обувь, старик возвращается домой, «а дочь пошла да стۇпень-то и надела. А стۇпень-то как раз ей вокурáт на ногу» [Там же]. Отец предлагает ей выйти замуж, и расстроенная девушка в этом тексте отправляется за советом не к матери на могилу, а к колдунье бабушке-задворенке, которая подсказывает попросить отца достать три платья:

⁶ Платок.

⁷ Он зовет ее *Машенька*. В тексте же содержится примечание: *Машка-замарашка* [Колчина 1957, 63].

⁸ Изначально о том, что он ее ударил мылом, речи не шло.

⁹ В этой сказке сообщается, что девушка бьет ковшом в голову юношу.

¹⁰ В сказке ранее дается примечание: «Перед платком были тۇфлены еще куплены» [Там же].

¹¹ *Стۇпень* — кожаный женский башмак [Поморье 1974, 417]; вид обуви, сшитый из кожи [Сотникова 1968, 186].

«серебряно», золотое и «каждой птички по перышку».

Отец справляется со всеми заданиями, и тогда бабушка-задворенка превращает девушку в курицу, которая сбегает от старика со всем приданым: «старушка обернула ее кúрушкой, она пришла домой, зашла в клеть, одно платье взяла под тое крыло — серебряно, золотó под друго, пёрьяно под хвост и пошла. А отец уж справляется, свадьбу нать играть, жениться, уж все загадки выполнил, так нать жениться. Идет. <...> Кúрушка по межúточкам, курочка по подьзвóзьицам, ко-ко-ко... да и убежала. Старик кúрушку и потерял» [Там же, 188]. Вероятнее всего, ситуация, представленная в этой сказке, связанная с превращением девушки в курицу, отражает более древнюю версию, чем в тех случаях, когда героиня надевает звериную шкуру.

В лесу, куда прибегает дочь, ее хочет подстрелить царевич-охотник, но, увидев необычность птицы, приносит ее домой и оставляет жить в своей комнате. Он трижды отправляется на пир, но перед этим курица проглатывает оставленные им вещи: «пришел в спальню одеваться, положил дúшно мыльце (досель дúшны мыльца все), ну, дúшно мыльце положил, а курушка из-под пёчья выскочила да дúшно мыльце сглотнúла» [Там же, 189]; «скинул голтяшечек¹² с вóрота, положил на опёчек, а кúрушка схватила из-под пёчья, да голтяшечек опять и сглотнúла [Там же]; «стал одеваться, скинул кольцо имяннó золотó, положил на окно, а кúрушка как схватила из-под пёчья, да колечко и сглотнúла» [Там же, 190]. Что касается скрывающейся в образе птицы девушки, то она появляется на пиру, поочередно надевая каждое из своих платьев.

Далее ситуация чрезвычайно напоминает соответствующий эпизод из сюжетного типа СУС 402 «Царевна-лягушка»: «Ну и вот затем смекнúл: “Дай-ко я пойду домой впереди, выйду”. Как пришел домой-то, а курицы-то нет. На стуле серебряно платье, на столи золотó. А ему что делать? Он спички взял да кинул эти кóжушки-то куричьи и сожёт. Сожёт кóжушки, а она бежит. Прибежала, уж

всё» [Там же, 190–191]. Сразу же после этого следует свадьба и окончание сказки: «Ну да вот и стали свадьбу играть, стали жениться и свадьбу сыграли. И всё. Вот и сказка вся, боле врать нельзя» [Там же, 191]. Текст был опубликован в 1974 г. на страницах сборника, подготовленного А. П. Разумовой и Т. И. Сенькиной [Поморье 1974, 326–329, № 70].

Наконец, в 1980 г. опять же в Заонежье собиратели зафиксировали сказку, относящуюся к сюжетному типу 510В, от 45-летней жительницы д. Великая Губа А. Н. Бочановой. В тексте кратко сообщается о желании отца взять замуж дочь после смерти жены: «В некотором царстве, в некотором государстве жила семья — муж, жена и дочка была. Ну, и мать вскоре умерла, отец стал приставать к дочери» [Заонежье 1986, 97]. Девушка обращается за помощью «к бабушке (а тогда бабушку задворенкой звали)», и та советует поставить отцу три условия: «Закажи туфли хорошие, каких у царевны нет, платье, чтоб было небо, звезды и месяц, чтоб всё это было на платье, и ковер-самолет» [Там же, 98].

Он справляется с заданиями, и дочь обещает стать его женой только после того, как он сходит в баню и смоев грехи. Но прежде бабушка-задворенка учит ее: «Натопи баню пожарче, как отец уйдет в баню, ты эти наряды собери, на ковер-самолет — и улетай» [Там же]. Девушка следует совету и, очутившись далеко от дома, устраивается прислугой к богатым людям. Их сын, собираясь на праздник, ищет свои сапоги, которые чистит и подает ему «мукосэйница¹³ — немьта рожа»; в ответ он «сапогом по голове стукнет или щеткой там» [Там же]. Героиня, переодевшись, оказывается на вечере, где «наш хозяин, конечно, обратил внимание на эту девушку. <...> Ухаживал за ней и спрашивает: “Из какого вы города?” Она говорит: “Я из того города, в котором городе щеткой по голове бьют” (он же ее сапожной щеткой ударил)» [Там же, 98–99]. Второй раз Иван, собираясь на праздник, просит налить воды в рукомо́йник (в умывальник) — «ну, она это быстро ковшом и наливает и опять ему не угодила. Он

¹² Голтяшечек — гайташечек, гайтан — шнурок, на котором носят нательный крест [Поморье 1974, 415].

¹³ Так зовет ее хозяйский сын, и это же название сказки.

ковшом-то ей опять по голове» [Там же, 99]. На вечере они снова встречаются, «опять он глаз с ней не сводит — и: “Откуда вы, девушка?” — “Я из того города, где ковшом по голове бьют”» [Там же].

К сожалению, исполнительница не сообщила, как развиваются события далее, потому что «забыла точно, и мама не помнит» [Там же]. Сказка завершается свадьбой: «Он ее всё же выследил, что действительно это она. И потом вот они поженились и приехали к ее отцу свадебным поездом. Она добилась; она его полюбила, и он-то ее полюбил уже не мукосейницей, а вот... он у нее даже прощенья просил» [Там же].

Итак, рассмотрение текстов, относящихся к сюжетному типу 510В, хранящихся в фондах НА КарНЦ РАН, позволяет говорить о том, что помимо ранее упоминаемых содержательных моментов (желание отца жениться на дочери, поиски приданого, бегство девушки из дома, служба ее в царском дворце, знакомство с царевичем на пиру и последующая свадьба) немаловажная роль отводится в повествовании и ситуации, в которой неоднократно оказывается героиня накануне встречи с суженым на каком-либо празднике. Речь в данном случае идет об утвари (ковшик, рукомо́йник), обуви (сапоги), различных предметах гигиены (мыло, полотенце, гребень) и т.д., которые необходимы царевичу перед отправлением на пир. Все эти вещи используются здесь неслучайно: они наделяются определенной свадебной семантикой. Примечательно, что, например, «в Нюхче¹⁴ пожилые женщины помнят <...> обычай, называемый “башмаки”. После обряда прощания с родными (а иногда обряда вечерки) жених привозил невесте туфли или ботинки с галошами, а также мыло и гребень» [РСКП 1980, 33]. Следует подчеркнуть, что и баня, посещаемая героиней накануне своего бегства от отца, тоже имеет отношение к свадебному обряду.

Что касается собственно свиного чехла (или эквивалентных ему других зооморфных/орнитоморфных шкур), то эта деталь в сказках, которыми мы располагаем, сохраняется достаточно редко. Но почти всегда сообщается, что девушка, становясь прислугой, занимается черной

работой по дому (моет посуду, сеет пепел или муку, готовит еду). Указанные особенности непременно закрепляются в ее обозначениях: пепельница, мукосейница, чумичка, замарашка. Это сближает героиню сказок рассматриваемого сюжетного типа с Золушкой, которая, к примеру, в одном заонежском варианте тоже названа мукосейкой [Чиркин 1980].

Отметим, что в НА КарНЦ РАН имеются и другие сказки, соотнесенные с СУС 510В, их можно считать его своеобразными версиями. Начало таких текстов очень похоже на то, что и в проанализированных ранее вариантах: отец после смерти жены изъявляет желание жениться на дочери.

Так, в 1938 г. собиратель В. Р. Дмитриченко записал сказку «Страх-богатырь» от 47-летнего грамотного жителя г. Пудожя Ф. Ф. Кабренова, работавшего счетоводом в колхозе «Правда». В ней ситуация, отчасти напоминающая анализируемый сюжетный тип, представлена в несколько трансформированном виде: «Жил-был поп. У этого попа была дочка, жена и прислуга. Прожил он долгое время, попадья пристарела, сходила в магазин, купила на платье и новые башмаки. Поп и спрашивает: “Для чего ты, матушка, купила это все? Ты старая, уже тебе цветное платье не годится и эти башмаки”. Она отвечает: “Да вот, багюшка, — говорит, — я скоро помру, а вы не будете так жить, будете жениться, так вот выбирайте невесту, чтобы это платье было по костям и башмаки по ногам”» [Пудожье 1982, 168].

После смерти жены поп отправляется искать себе невесту, но никому не подходит ни одежда, ни обувь. Вещи решает примерить дочь, и всё оказывается впору: «Одела платье и башмаки обула — и пошла в церковь. <...> Поп пока в алтаре служил обедню, вышел с кадилом кадить иконостас, обкатил иконостас, обернулся на народ — обкатил и народ, — раза два махнул кадилом, взглянул на свою дочь и увидел это платье. Посмотрел — башмаки на ногах» [Там же, 169]. Обрадованный поп собирается устроить свадьбу, но девушка, узнав об этом, покидает родной дом: «Поповская дочь от такой неприятности (еще было не раздето платье и башмаки) убежала в лес. Долго она там ходила

¹⁴ Населенный пункт в Беломорском районе Карелии.

по лесу — башмаки истрепались, и платье прирвалось. Ей стыдно стало ходить нагой, и забралась она в дупло» [Там же].

Затем девушка знакомится с царевичем, охотившемся в лесу; он женится на ней: «Сыграли свадьбу. Через недолгое время поповская дочь понеслась. Пришло время уже родить. И перед родами пала она в обморок. Ее отнесли в отдельную комнату, царь испугался, что невестка нездорова, и стал искать лекарей» [Там же, 170]. Далее в повествовании снова возникает ее отец, который после побега дочери «сбился с разума, назвался доктором и пошел лечить народ» [Там же]. Он оказывается в государстве, где больна жена царевича: «Но уже у ней было рожено. Поп узнал свою дочь, взял разорвал мальчика напополам, намазал кровью губы матери <...> (после родов она лежала в обмороке)» [Там же, 170–171]. Девушку отвозят в дремучий лес вместе с ребенком, там она приходит в себя и оживляет сына в большой луже воды, увидев, как ворониха купает там своего мертвого птенца. Далее на первый план выходит повзрослевший сын — Страх-богатырь, а повествование развивается в соответствии с сюжетным типом СУС 315 «Звериное молоко».

Отметим, что через десять лет после первой фиксации была произведена повторная запись варианта «Страх-богатырь» [Кабренов 1948], включенная в сборник «Пудожские сказки», подготовку которого осуществила сотрудник ИЯЛИ КарНЦ А. В. Белованова в 1946–1949 гг. К сожалению, работа над изданием не была завершена, его рукопись хранится в НА КарНЦ РАН [Белованова 1949]. В имеющемся примечании сказка соотносена составителем с сюжетным типом СУС 315 «Звериное молоко», который, безусловно, оказывается ее основой, что подчеркивают также А. П. Разумова и Т. И. Сенькина, опубликовавшие текст в 1982 г. и посчитавшие, что в нем представлена контаминация с сюжетным типом 510В «Свиной чехол». Сказка Ф. Ф. Кабренова, записанная в 1948 г., была опубликована на страницах сборника «Перстенок — двенадцать ставешков» [Чистов 1958, 39–52] и учтена в СУС 315 «Звериное молоко». Наконец, в 1955 г. та

же А. В. Белованова еще раз записала данный текст [Кабренов 1955].

В сказке «Страх-богатырь» отчетливо высвечивается лишь один мотив, характерный для СУС 510В, — желание отца жениться на дочери, поэтому возможно говорить об условном соотношении данного текста с рассматриваемым сюжетным типом и/или существовании особой его версии. В архиве имеются еще несколько текстов, содержащих отмеченный мотив. Один из подобных вариантов был зафиксирован в 1968 г. в с. Сумпосад Беломорского района Карелии от 77-летней А. И. Суслоновой. В нем сообщается: «Жил старик, у его была дочь. Мать умерла, а этому старику надь было жениться на дочери» [Суслонова 1968, 308]. Девушка убегает из дома, отец пытается ее догнать, но она спасается, бросая чудесные предметы (камень, гребень, огниво), превращающиеся в гору, лес и огненную реку, становящиеся препятствиями на пути преследователя. Он погибает в огненной реке, но перед смертью говорит: «Пусть тебе на память останется моя килá¹⁵» [Там же].

Девушка вынуждена стать немой, потому что килá повторяет все произносимые ею слова. Она выходит замуж за царевича, но через какое-то время он решает жениться на другой, так как ему надоела молчаливая жена. Девушка, по совету бабушки-задворенки, избавляется от килы, сварив ее в горшке со щами, и снова может разговаривать. «Царь удивился: не говорила ведь три года, слова не сказала, а теперь заговорила. Ну и вот, царь тую (вторую жену. — А. Л.) прогнал, со своей женой стал жить, и дети пошли» [Там же, 309]. Через десять с лишним лет сотрудниками ИЯЛИ КарНЦ РАН была произведена повторная фиксация данной сказки [Суслонова 1981].

Похожий вариант был записан в 1973 г. в Водлозерье (Пудожский район) от 79-летней жительницы д. Пога Е. М. Лёвиной. Примечательно, что в нем дочь сама мотивирует отца найти себе невесту, так как она устала быть хозяйкой в доме после смерти матери: «Вот жил, это, муж да жена. Вот умерла у его жена. Осталась у его 18-годовая дочь. У мужика-то. Ну вот. А дочери-то этой ак надоело

¹⁵ Слово *килá* имеет несколько значений: это может быть как опухоль, грыжа, так и мужской половой орган [СРНГ 1977, 206].

большничать. Мать-то похоронили, дак всё большничала, дак надоело прямо, и отцу говорит: “Ты, папа, хоть бы затем женился. Где-ни хоть каку-ни бы нашел, — говорит, — мне надоело: никуда не выйдешь, всё большничать, хозяйничать”» [Лёвина 1973, 166]. Отец, не найдя никого, возвращается домой и предлагает дочери жить вместе: «Вот, дочь, затопляй байну, и мы с тобой будем жить. <...> Вот байна вытопитсе, пойдем с тобой паритьсе в байну» [Там же].

Девушка затапливает баню и начинает плакать, из подполья выскакивает мышка, которая, узнав о ситуации, одаривает ее чудесными предметами (мылом, щеткой, гребнем, зеркалом). С их помощью дочь сбегает от преследующего ее отца: мыло становится мыльной рекой, гребень — костяной горой, зеркало — стеклянной горой. Он проклинает девушку: «Кабы тебе навек свой килá переговорна (пристала. — А. Л.)» [Там же]. Дочь становится немой. Она выходит замуж и три года не разговаривает. Мужу надоело жить с молчащей женой, он решает жениться на другой; тогда девушка избавляется от килы, сварив ее в щак, и снова начинает говорить, в результате чего муж «эту невесту отказал и вот стал с этой женой жить» [Там же, 170].

Попутно отметим, что подобные варианты представлены в карельской и вепсской фольклорных традициях. Так, в вепсской сказке «Жена заговорила», записанной в 1980 г. от жительницы с. Ладва Прионежского района Карелии М.З. Микшиной, коротко сообщается: «Раньше жили старик и старуха. Была у них одна дочь. Хорошо. Жена умерла. А отец захотел жениться на дочери» [ВНС 1996, 116]. Во время работы в лесу «говорит отец: “Дочь, поищи-ка в голове вшей”. Отец положил голову ей на колени. А девочка видит, что отец некрасиво с ней поступает» [Там же]. Она убегает от него, используя предварительно взятые чудесные предметы: брошенная щетка становится лесом, гребень превращается в гору, из клубка образуется река. Рассерженный отец, не догнав дочь, «взял, отрезал свои яйца, швырнул, попали они девочке на плечо. <...> И не

уходят с плеча, и что девочка скажет, то они и повторяют» [Там же, 117].

Героиня становится немой, выходит замуж, но через три года муж решает жениться на дочери Бабы Яги. Тогда девушка удается избавиться от яиц-дразнилок, сделав так, чтобы они «шлепнулись в кисель», после чего она «схватила горшок с киселем, вышла во двор и хлопнула об угол дома» [Там же, 118]. Узнав, что она снова заговорила, «муж так обрадовался, не знает, что и делать. Потом выскочил он из-за стола, схватил новую жену, привязал к хвосту жеребца и пустил по ухабистой дороге. И стал мужик жить со своей прежней женой» [Там же].

Отцовские яйца-дразнилки, брошенные на шею сбегавшей дочери, фигурируют и в карельской «Сказке о синепалой», записанной в 1937 г. в д. Лазарево Медвежьегорского района Карелии от 60-летней М.И. Морозовой. Этот текст начинается с того, что «жена, умирая, наказывает мужу взять после нее жену с характерной для нее самой приметой — с синим большим пальцем на руке. Но оказывается, что женщину, подобную покойной жене, он не может найти и вынужден жениться на дочери, у которой такой же синий палец, как у матери. <...> Дочь пытается всячески оттянуть свадьбу и ставит отцу условия: требует достать ей роскошные платья¹⁶ редкой расцветки» [КНС 1963, 21]. По мнению У.С. Конкка, желание отца взять замуж дочь объясняется тем, что он «строго придерживается древнего брачного закона, по которому он может жениться только на женщине из рода покойной жены» [Там же], а сам «мотив “найти жену с синим большим пальцем, как у покойной жены”, встречается главным образом в северной и средней Карелии» [Там же, 509].

Девушка обращается за помощью к старушке-вдове, которая одаривает ее чудесными предметами и советует: «Когда разденешься в бане, плюнь на корыто, плюнь на каменку и на полók» [Там же, 197]. Затем она спасается бегством, бросая полученные вещи (кремени, горсть щетинок и шелковый платок), становящиеся преградой на пути преследующего ее отца. Из-за яиц-дразнилок она становится

¹⁶ В дальнейшем повествовании шелковые платья (одно — «подобное солнцу», второе — «подобное месяцу» и третье — «как звезда на небе») не играют никакой роли.

немой и, выйдя замуж за царского сына, не разговаривает в течение трех лет, пока тот не приводит в дом новую жену. Сварив дразнилки в лінде¹⁷ на молоке яловой коровы, героиня снова может разговаривать; «царев сын как услышал ее голос — к ней обрадованный подскочил. И снова берет ее в жены, и начинают они жить по-прежнему и даже лучше» [Там же, 198].

В карельской сказке, сообщенной собирателям 50-летней О. М. Никитиной в д. Костовара Лоухского района Карелии в 1939 г., говорится о том, что овдовевший старик «начал приставать к своей дочери. Они затопили баню, и старик думает, что в бане он пристанет к дочери. Старик велит дочери приготовить баню. Ну, дочь пошла готовить баню и догадалась, что за думы у старика» [Там же, 186]. Девушка убегает, оставив вместо себя говорящую слюну, как в некоторых русских сказках, рассмотренных ранее. Обманутый отец пытается догнать дочь, но она спасается, используя оставленные умирающей матерью предметы (полотенце и брусок), становящиеся горами и огненным водопадом. Эта короткая сказка заканчивается тем, что «старик остался посреди водопада на острове. Тут девушка избавилась от старика» [Там же, 187].

Несколько иная версия развития рассматриваемого сюжетного типа представлена в карельской сказке, зафиксированной в том же 1937 г. в д. Ондозеро Сегежского района Карелии от 31-летней Д. И. Никитиной. В этом варианте речь опять же идет о том, что старик после смерти старухи должен по ее наказу найти себе жену с синим большим пальцем, но этим признаком обладает только его дочь Маша. Он зовет девушку замуж, а она ставит ему различные условия: купить «платье из шелка цвета зелены», «платье из шелка цвета зари», «платье цвета звезды» и «железный сундук, где я могла бы стоять, сидеть, лежать, и чтобы изнутри он запирался» [Там же, 191].

Отец выполняет все задания, но дочь укрывается в сундуке. Не знающий об этом отец, опечаленный пропажей дочери, бросает сундук в воду, и он оказывается в доме Ивана-царевича. По словам У. С. Конкка, «данную версию сюжета 510В условно можно назвать “Фонарь”, так как в других вариантах дочь прячется в подаренный матерью фонарь и в нем попадает к царевичу» [Там же, 509]. В рассматриваемом тексте Маша становится женой Ивана-царевича, рождает ему сына, после чего баба Сюоттяри превращает ее в черную утку. Далее сказка развивается в соответствии с сюжетным типом СУС 403 «Подмененная жена».

Как видно, и в карельской традиции сказки, относящиеся к СУС 510В «Свиной чехол», отличаются друг от друга. У. С. Конкка подчеркивает, что данный «сюжет распространен по всей Карелии и имеет несколько версий, которые можно условно назвать так: 1) “Погоня за дочерью”; 2) “Фонарь”; 3) “Девушка-птица”; 4) “Немая жена”; 5) “Звериная шкура”» [Там же]. Такое разнообразие может быть обусловлено тем, что рассматриваемый сюжетный тип, встречающийся в русской, карельской и вепсской сказочных традициях, именно у карелов известен в большем количестве записанных вариантов: по сведениям Н. Ф. Онегиной, «в архиве более 30 текстов» [ВНС 1996, 194]. Что касается сказок, зафиксированных на территории Карелии в местах компактного проживания русского населения (в Заонежье, Поморье, Пудожье), то в них отражены по меньшей мере три из названных версий: «Звериная шкура» (собственно «Свиной чехол»), «Немая жена» и «Погоня за дочерью».

Лишь некоторые тексты были опубликованы в сборниках, отражающих упоминаемые фольклорно-сказочные традиции, часть вариантов до сих пор хранится в НА КарНЦ РАН, между тем каждый из них, безусловно, важен для целостного изучения сюжетного типа 510В.

Источники и материалы

- Васильева 1939 — НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 88. № 21. 1939 г.
- ВНС 1996 — Вепсские народные сказки. *Veršän rahvhan sarnad* / Сост. Н.Ф. Онегина, М.И. Зайцева. Петрозаводск, 1996.
- Заонежье 1986 — Сказки Заонежья / Сост. Н.Ф. Онегина. Петрозаводск, 1986.
- Кабренов 1948 — НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 19. № 17. 1948 г.
- Кабренов 1955 — НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 20. № 85. 1955 г.
- Карнаухова 2006 — *Карнаухова И. В.* Сказки и предания Северного края. СПб., 2006.
- КНС 1963 — Карельские народные сказки / Изд. подгот. У.С. Конкка. М.; Л., 1963.
- Колчина 1957 — НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 80. № 56. 1957 г.
- Лёвина 1973 — НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 73. № 41. 1973 г.
- Поморье 1974 — Русские народные сказки Карельского Поморья / Сост. А.П. Разумова, Т.И. Сенькина. Петрозаводск, 1974.
- Пудожье 1982 — Русские народные сказки Пудожского края / Сост. А.П. Разумова, Т.И. Сенькина. Петрозаводск, 1982.
- РСКП 1980 — Русская свадьба Карельского Поморья (в селах Колежме и Ньюче) / Изд. подгот. А.П. Разумова, Т.А. Коски. Петрозаводск, 1980.
- Савинкова 1939 — НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 6. № 109. 1939 г.
- СКЯ 1990 — Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г.Н. Макаров. Петрозаводск, 1990.

- Сотникова 1968 — НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 126. № 77. 1968 г.
- СРНГ 1977 — Словарь русских народных говоров. Вып. 13. Л., 1977.
- СРНГ 1980 — Словарь русских народных говоров. Вып. 16. Л., 1980.
- СРНГ 2003 — Словарь русских народных говоров. Вып. 37. СПб., 2003.
- СРНГ 2008 — Словарь русских народных говоров. Вып. 42. СПб., 2008.
- Стафеев 1937 — НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 74. № 115. 1937 г.
- Сулонова 1968 — НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 126. № 120. 1968 г.
- Сулонова 1981 — НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 145. № 11. 1981 г.
- Чиркин 1980 — НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 142. № 358. 1980 г.
- Чистов 1958 — Перстенок — двенадцать ставешков / Сост. К.В. Чистов. Петрозаводск, 1958.

Исследования

- Добровольская 2009 — *Добровольская В. Е.* Предметные реалии русской волшебной сказки. М., 2009.
- Разумова 1992 — *Разумова И. А.* Баня в народных верованиях и сказке // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1992. С. 86–108.

© А. С. Лызлова, 2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лызлова А. С. <https://orcid.org/0000-0002-0634-706X>

Кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН: Российская Федерация, 185910, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11; тел.: +7 (8142) 78-18-86; e-mail: alyzlova@mail.ru

PLOT TYPE 510B “PIGSKIN COVER” IN THE FOLKTALE TRADITION OF KARELIA

ANASTASIA S. LYZLOVA

(Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences: 11, Pushkinskaya str., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation)

Summary. *The article analyzes fairytales from the folklore fund of the Scientific Archives of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences concerning the plot type designated in the AT Index as 510B “Pigskin Cover” (AT 510B “Peau d’Asne” = “Donkey Skin”). This plot concerns a father who, after the death of his wife, wants to marry his daughter, as a result of which she is forced to run away. In the twentieth century, researchers from the Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (ILLH KarRC RAS) recorded such texts in Russian areas (Karelian Pomerania, the coast of Lake Onega [Zaonezhje], and the Pudozhsky area), where it was also told by Karelians and Vepsians. The plot is resolved in different ways so that it is possible to speak about the existence of several versions: “animal skin” (that is, “pigskin”), “pursuit of a daughter”, “the mute wife”, “the lantern”. At the same time, diversity is characteristic of fairytales in the Karelian tradition. The texts relating to the version about animal skin, told and recorded in the territory of the Republic of Karelia by Russians, preserve details of the Russian wedding ceremony. The mention of a pigskin (or other zoomorphic and ornithomorphic skins) is quite rare. On the other hand, the motif of a daughter forced to do dirty housework is almost always present, which associates the story with that of Cinderella.*

Key words: plot type, pigskin, Scientific Archives of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, 510B, Karelia.

Acknowledgements. *Research for this article was carried out under the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences project “Folklore traditions and the hand-written book culture of the European North: source studies, textual criticism, poetics, ethnographic context”, state registration number: AAAA-A18-118030190094-6.*

Received: October 20, 2018.

Date of publication: March 25, 2019.

For citation: Lyzlova A. S. Plot type 510B “Pigskin Cover” in the folktale tradition of Karelia. *Traditional culture.* 2019. Vol. 20. No. 1. Pp. 31–42. In Russian.

DOI: 10.26158/TK.2019.20.1.003

References

Dobrovolskaya V. E. (2009) *Predmetnyye realii russkoy volshebnoy skazki [Everyday life objects in Russian fairytales].* Moscow. In Russian.

Razumova I. A. (1992) *Banya v narodnykh verovaniyakh i skazke [Steam bath in folk beliefs and in folktales].* In: *Obyady i verovaniya narodov Karelii [Rites and beliefs of the peoples in Karelia].* Petrozavodsk. Pp. 86–109. In Russian.

© A. S. Lyzlova, 2019

ABOUT THE AUTHOR

Anastasia S. Lyzlova <https://orcid.org/0000-0002-0634-706X>

E-mail: alyzlova@mail.ru

Tel.: + 7 (8142) 78-18-86

11, Pushkinskaya str., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation

PhD in Philology, Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)